

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2015.003>

Рената Оплаканская
(Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова –
г. Абакан, Россия)

**Трудная дорога домой.
О репатриации
военнопленных
5-й польской стрелковой
дивизии на юге Сибири
в 1921 г.**

Słowa kluczowe: wojna domowa; „biała” opozycja; obca interwencja; jeńcy wojenni

Keywords: civil war; “white” opposition; foreign intervention; prisoners of war

После завершения советско-польской войны было заключено соглашение о репатриации между Россией, Украиной с одной стороны и Польшей с другой, и начался обмен пленными. На начало 1921 г. в Советской России могло находиться от 30 до 60 тыс. польских военнопленных. Это были пленные поляки австрийской и германской армий (пленные «империалистической войны»), советско-польской войны и 5-й польской дивизии, которая принимала участие в гражданской войне в составе войска государств Антанты на стороне А.В. Колчака¹. Последние в советских документах упоминались как «пленные гражданской войны» или «Польской и Колчаковской армии»². После за-

¹ И. И. Костюшко, *К вопросу о польских пленниках 1920 г.*, в: «Славяноведение» 2000, № 3, 44–45.

² Муниципальное казенное учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска» (МКУ «Архив города Минусинска»), ф. Р-25, оп. 1, д. 545, л. 1–15.

вершения процедур репатриации на родину вернулось около половины польских военнопленных. Остается открытым вопрос о причинах, по которым последние не вернулись на родину³.

Отчасти ответ на вопрос сможет дать реконструкция процесса репатриации в Сибири в 1921 г., а именно – проведение процедур регистрации польских военнопленных. На стадии регистрации осуществлялся сбор информации о военнопленных, проживающих в сибирских губерниях, составлялись списки лиц, распределенных по эшелонам для отправки к советско-польской границе, рассматривались ходатайства о получении гражданства и т.д.

В статье рассматривается процесс регистрации польских военнопленных 5-й стрелковой дивизии на территории Енисейской губернии. Исследование проводилось на основе материалов из фондов архивов Новосибирской области, Республики Хакасия и города Минусинска Красноярского края – регистрационные карточки и именной список польских военнопленных Минусинского уезда, а также переписка Польской и Российско-Украинской делегаций Смешанной комиссии по Делах Репатриации с Красноярской Губчека. Материалы переписки обеих делегаций Смешанной комиссии по делам репатриации в Сибири позволили составить список из 279 польских военнопленных, а анализ нескольких десятков жизненных ситуаций – выявить некоторые устойчивые тенденции процесса репатриации в Сибири в начале 1920-х гг.

В Сибири наибольшее число польских военнопленных было сосредоточено в Енисейской губернии – месте пленения 5-й польской стрелковой дивизии. В начале 1921 г. только в концентрационном лагере под Красноярском находилось 8000 пленных поляков⁴. В августе 1920 г. на основании постановления Совета Труда и Оборона – чрезвычайного высшего органа РСФСР в условиях гражданской войны – пленных передали в ведение Главного управления принудительных работ и повинностей при НКВД. Из польских пленных была сформирована военно-трудовая армия⁵. В Енисейской губернии пленные вхо-

³ В. Резмер, *Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922*, в: , «Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы», Иркутск 2001, s. 127–129; В. Масяж, *Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.)*, Иркутск 1995, s. 22–23.

⁴ И. И. Костюшко, *op.cit.*, s. 44–45.

⁵ *Ibidem.*, s. 42–62.

дили в состав трудовых бригад, которые направлялись на заготовки леса и на работу на промышленные предприятия⁶.

По условиям советско-польского Соглашения репатриация носила исключительно добровольный характер. Обмену подлежали военнопленные по принципу всех за всех. До момента передачи военнопленные должны были подчиняться установленным в стране пленения порядку и дисциплине, а власти страны пленения обязались обеспечить им надлежащие условия содержания. Издержки на содержание пленных (стоимость пайка, вещевого и денежного довольствия) подлежали возмещению. Репатрианты, находящиеся на службе или на принудительных работах, должны были освобождаться от таковых не позднее, чем за неделю до отправки с выплатой заработной платы. При отправке на родину военнопленным должны были вернуть отнятое властями страны пленения имущество⁷.

Для проведения мероприятий по репатриации поляков на родину в 1921 г. в Сибирь прибыло представительство Смешанной комиссии в составе российско-украинской и польской делегаций. Польскую делегацию возглавлял К. Гинтовт⁸. В соответствии со статей XIV Соглашения местные органы советской власти должны были передавать Уполномоченному Польской делегации в составе Смешанной комиссии точные сведения о находящихся в пределах их территорий военнопленных. Статья XVII устанавливала право Уполномоченного визировать лиц, подлежащих репатриации, посещать тюрьмы и концентрационные лагеря.

На основании распоряжения Народного комиссариата внутренних дел Енисейский губернский исполнительный комитет (губисполком) начал проведение процедур репатриации польских военнопленных. Управлениям Губернских исполнительных комитетов надлежало доставить сведения о полном количестве военнопленных, сгруппировать их в лагерях, обеспечить вещевое довольствие и произвести выплату зарплаты, сверхурочных и премиальных. Использование труда во-

⁶ Нам И.В., *Польские войска в Сибири* w: «Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: Материалы I Международной научной конференции», Томск 2012, s. 56.

⁷ «Соглашение от 24 февраля 1921 года о репатриации, заключенное между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой во исполнение статьи договора о прелиминарных условиях мира (от 12 октября 1920 г.)» /URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;frame=313;n=9993>

⁸ Л. К. Островский, *Репатриация оптантов, беженцев и военнопленных из Сибири в Польшу (1921–1924 гг.)*, w: «Гуманитарные науки в Сибири» 2014, № 3, s. 70.

еннопленных допускалась в непосредственной близости от лагерей. Местные власти должны были позаботиться об их замене другим контингентом⁹.

Объявления о порядке проведения репатриации публиковались в газетах «Известия ВЦИК», «Правда», «Красноярский рабочий»¹⁰. 30 марта 1921 г. в Енисейской губернии объявлялась 5-дневная регистрация военнопленных, [...] империалистической войны, а также состоявшим на службе в Польской и Колчаковской армии. Вторая волна регистрации военнопленных прошла в июле 1921 г. Проведение процедур регистрации завершились 25 октября 1921 г., о чем сообщалось в газете «Красноярский рабочий»¹¹.

Пленные должны были лично явиться в уездные исполнительные комитеты Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (уисполкомы) или уездные управления по эвакуации населения (эваки) с документами, устанавливающими национальность. Тяжело больным пленным предоставлялась отсрочка до выздоровления при условии наличия подтверждающего документа¹².

В Красноярском уезде Енисейской губернии был определен следующий порядок регистрации. Лица, проживающие в Красноярске и его окрестностях, а также в Иннокентьевской и Александровской волостях должны были пройти процедуру регистрации: 30 марта те, чьи фамилии начинались на буквы А, Б, В, Г, Д, Е, Ж; 31 марта – на буквы З, И, К, Л, М; 1 апреля – на буквы Н, О, П, Р, С; 2 апреля – на остальные буквы. Лицам, проживающим в других волостях Красноярского уезда, на регистрацию разрешалось явиться в любой день с 10 до 3 часов дня в Отдел Управления Енисейского губисполкома¹³.

В соответствии со статьей XXVII Соглашения отправка эшелонов с военнопленными должна была начаться еще до образования Смешанных комиссий, «[...] не позднее 10 дней со дня подписания настоящего Соглашения». В Сибири этот процесс проходил трудно и крайне медленно. В отношении от 10.11.1921 г. в адрес Российско-Украинской делегации в составе Смешанной комиссии Уполномоченный делегации Польши К. Гинтовт констатировал «[...] совпадение взглядов обеих делегаций на курс работы по репа-

⁹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 154–154.

¹⁰ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 492, л. 241.

¹¹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 77.

¹² ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив», ф. 505, оп. 1, д. 14, л. 133.

¹³ МКУ «Архив города Минусинска», ф. Р-25, оп. 1, д. 345, л.18– 19.

триации, а именно: неизменно тяжелые условия проведения репатриации в Сибири, неожиданно маленький результат работы и очень туманные перспективы на будущее»¹⁴.

В некоторых сибирских губерниях регистрация польских военнопленных затягивалась местными властными структурами из-за некомпетентности чиновников либо сознательно. 17.09. 1921 г. Уполномоченный по делам военнопленных Замылко телеграфировал в Омский отдел общественных и принудительных работ при Омском губернском исполкоме: «[...] В срочном порядке провести регистрацию польских граждан военнопленных бывшей 5-й польской Сибирской /Колчаковской/ дивизии с зачислением в концлагерь, руководствуясь существующими инструкциями»¹⁵.

По условиям Соглашения (ст. XXIII) списки подлежащих репатриации лиц должны были передаваться местными органами Советской власти в Смешанную Комиссию, а оттуда в Польскую делегацию для визирования. Польская делегация обязывалась вернуть завизированные списки не позднее двадцати дней с момента их получения. На практике все было иначе. Местные органы власти предоставляли сведения о военнопленных с опозданием, а то и вовсе игнорировали запросы Уполномоченного Польской делегации. 01.11. 1921 г. польская делегация сообщала о том, что не получила список военнопленных, отправляемых 5-м эшелоном из Красноярска. В документе отмечалось, что «[...] делегация видит в этом ущемление своих полномочий и сферы деятельности»¹⁶. 21.10.1921 г. делегация Польши вновь информировала Российско-Украинскую делегацию о том, что Омский губернский эвак отказывает в предоставлении затребованных документов, «[...] нарушая тем самым & 7 Инструкции Смешанной комиссии от 21 мая 1921 г.»¹⁷. Часто информация о военнопленных, находящихся на территории сибирских губерний, доходила до членов польской делегации из неофициальных источников. В частности, в октябре 1921 г. польской делегации стало известно, что на станции Бачаты Кузнецкого уезда Томской губернии находились 66 польских военнопленных из 1-й Сибирской трудовой бригады, уже прошедших регистрацию в Красноярске, и с ними еще 20 членов семьи¹⁸.

¹⁴ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 46.

¹⁵ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 492, л. 200.

¹⁶ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 138.

¹⁷ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 46.

¹⁸ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 492, л. 413.

Трудности с получением информации о численности польских военнопленных от местных органов советской власти давали основания предполагать, что происходило это не столько из-за некомпетентности чиновников, сколько на основании общего курса Советской власти препятствовать массовому выезду поляков на родину. В отношении от 12.10. 1921 г., адресованном Российско-Украинской делегации, Уполномоченный Польской делегации писал: «[...] Повторение этих же самых случаев [нарушений статей Соглашения: Р. О.] заставляет думать, что существуют некие спускаемые сверху установки и только ими руководствуются эваки»¹⁹.

Такие установки действительно исходили из вышестоящих инстанций и были продиктованы экономическими потребностями региона. В затруднительном положении оказалось Управление железных дорог в Сибири. В телеграмме из центра в адрес профсоюзных организаций, а также транспортных отделов на железных дорогах от 31.10. 1921 г. сообщалось, что увольнять служащих, подлежащих репатриации, можно только в том случае, «[...] если это не принесет ущерба делу»²⁰. Многие хозяйственные предприятия Сибири оказывались перед трудноразрешимой задачей найти замену польским военнопленным, занимавшим «ответственные должности»²¹. Наибольшее количество жалоб со стороны польской делегации в период проведения регистрации польских военнопленных касалось деятельности органов советской власти в Иркутской, Томской, Омской губерниях²².

В ходе регистрации военнопленных возникли проблемы не только организационного характера. Не все пленные могли представить документы, удостоверяющие личность, факт их рождения на территориях, отошедших к Польше после войны, или принадлежность к польской национальности. В списке военнопленных Минусинского уезда относительно нескольких человек была сделана пометка – «записано с его слов», и единственным документом, подтверждающим их личность на момент регистрации, становилось удостоверение командира роты военно-трудовой бригады. В апреле 1921 г. из Минусинска в Енисейский губисполком последовал запрос: «[...] Достаточно ли для регистрации военнопленных поляков удостоверения комроты 4 Сибвоентрубригады в том, что находящиеся его роте трудармей-

¹⁹ Ibidem, s. 158.

²⁰ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 75.

²¹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 492, л. 216.

²² ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 23–24, 46.

цы действительно польской национальности [...]». Для установления принадлежности к польской национальности при Минусинском исполкоме была создана комиссия, в которую вошли советские руководители уезда – поляки: Борейко, Ходкевич и Пржебыльский²³.

Во время регистрации возникали казусы, связанные с неправильным написанием польских фамилий. В октябре 1921 г. Красноярская губернская чрезвычайная комиссия (губчека) арестовала для выяснения личности военнопленного Юзефа Стрончинского, который в документах числился как Стрончевский. Уполномоченный делегации Польши потребовал освободить Стрончинского («[...] поскольку Стрончинский является тем, за кого себя выдает, да еще польским военнопленным [...]»), проинформировав Российско-Украинскую делегацию о допущенной ошибке в фамилии при составлении списков эшелонов (правильно «Stronczyński»)²⁴. Казусы с польскими фамилиями возникали и при транскрибировании на русский язык, так что они получали иное звучание. Сложилась практика русификации польских фамилий. Так произошло с фамилией польского военнопленного Александра Штунгура. В одном из документов Красноярской губчека он упоминался как «Стунгуров Александр»²⁵.

Возникали проблемы с регистрацией членов семей военнопленных. 13.10. 1921 г. Уполномоченный Польской делегации обращался в Российско-Украинскую делегацию с требованием «[...] безотлагательно направить распоряжение соответствующим властям о регистрации членов семьи польских военнопленных [...]»²⁶. Некоторые члены семей должны были добиваться регистрации на выезд в индивидуальном порядке. В сентябре 1921 г. Польская делегация хлопотала о регистрации матери и двух дочерей военнопленного Михала Росновского, в октябре 1921 г. – жены военнопленного Александра Карповича Марии²⁷.

В период регистрации вставал вопрос о гражданстве польских военнопленных. Поляки, родившиеся на территории Российской империи, добровольно вступившие в ряды Красной армии, а также члены РКПб могли ходатайствовать о получении гражданства РСФСР. Ходатайства рассматривались специальной комиссией при Енисейском губиспол-

²³ МКУ «Архив города Минусинска», ф. Р-25, оп. 1, д. 345, л. 21.

²⁴ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 137.

²⁵ Ibidem, s. 27.

²⁶ ГАНО, ф. Р-1, оп.1, д. 492, л. 145.

²⁷ ГАНО, ф. Р-1, оп.1, д. 720 а, л. 32; д. 720, л. 99.

коме²⁸. Случаи отказа от гражданства Польши были. В ходатайстве пленный 5-й польской дивизии Жардовский писал: «[...] Ввиду того, что я желаю остаться в пределах Р.С.Ф.С.Р. как бывший в 5-й польской дивизии прошу о выдаче мне соответствующих документов до Ново-Николаевска к месту выбранному на постоянное жительство»²⁹. По идейным соображениям отказывались от права репатриации военнопленные – члены РКПб. Отказался выехать на родину пленный 5-й польской дивизии Ян Кулита, вступивший в РКПб в 1920 г.³⁰

Однако известны неоднократные случаи, когда на польских военнопленных, определявшихся с выбором гражданства, оказывалось давление. Еще до заключения Соглашения о репатриации Управление общественных работ и повинностей при НКВД командировало в концлагеря агитаторов для проведения среди военнопленных «культурно-просветительной работы»³¹. Особая роль в агитации среди репатриантов отводилась полякам-коммунистам. Не из любопытства 22.10.1921 г. Польская делегация обратилась в Российско-Украинскую делегацию с вопросом о том, какую роль в репатриации польских граждан играет Польшесекция³². Польские коммунисты занимались не только проведением пропагандистских мероприятий среди репатриантов, но и принимали непосредственное участие в процедурах оптации. В частности, представитель Польшесекции при Енисейском губернском комитете РКПб в Красноярске входил в комиссию, которая должна была рассматривать ходатайства о получении гражданства РСФСР³³. На военнопленных оказывали воздействие силовые структуры – командование военных формирований Красной Армии и отделений ЧК. 29.10.1921 г. Уполномоченный Польской делегации обратился в Российско-Украинскую делегацию по поводу отказавшего от польского гражданства военнопленного Миколая Войткевича. Уполномоченный выражал сомнение в добровольности такого решения по двум причинам: 1) 23 октября М. Войткевич был арестован сотрудниками ЧК; 2) заявление об отказе от гражданства от 27 октября было подписано не им самим³⁴. 23 июля 1921 г. в адрес Польской делегации поступило ходатайство Стефана Чубельского, бывшего врача

²⁸ МКУ «Архив города Минусинска», ф. Р-25, оп. 1, д. 345, л. 7, 18–19.

²⁹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 50.

³⁰ ГКУ РХ «Национальный архив», ф. 14, оп. 1, д. 40, л. 3.

³¹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 137.

³² ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 22.

³³ МКУ «Архив города Минусинска», ф. Р-25, оп. 1, д. 345, л. 7.

³⁴ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 139.

в 5-й польской стрелковой дивизии. После капитуляции С. Чубельский был арестован, в апреле 1921 г. освобожден из тюрьмы и, по его словам, принудительно зачислен лекарем в 5-ю Красную армию. В прошении он сообщал, что все его попытки уволиться из рядов Красной Армии были безуспешны. С. Чубельский просил оказать содействие в увольнении из армии, в противном случае он будет лишен права вернуться на родину как военнопленный 5-й польской дивизии³⁵. На соответствующий запрос Польская делегация получила ответ военкома Замкова о том, что С. Чубельского, как и других польских военнослужащих, нельзя уволить из Красной Армии без санкции Сибирского штаба³⁶. Тем не менее, члены Польской делегации продолжали хлопотать об освобождении соотечественников от службы в Красной армии. 26.10. 1921 г. Уполномоченный Польской делегации обратился в Российско-Украинскую делегацию с просьбой предоставить ему список польских военных, подавших ходатайства о получении гражданства РСФСР. Запрос был сделан на основании публикации в газете «Красноярский рабочий» от 22.10. 1921 г.³⁷ Через два дня (28.10. 1921 г.) в Российско-Украинскую делегацию поступило новое отношение со стороны Польской делегации, в котором высказывалась просьба ускорить увольнение поляков из рядов Красной армии. В частности, Уполномоченный Польской делегации ссылался на пример Станислава Пронки, который находился на гауптвахте Красноярского гарнизона за то, что своевременно не вышел на службу из отпуска. По всей видимости, С. Пронка намеривался пройти регистрацию и не вернулся в воинскую часть в назначенное время. 01.11.1921 г. последовало требование Польской делегации об увольнении из 6-й армии Трубила, а 16.11.1921 г. – Эдварда Добранца, «[...] который не уволен, хотя внес ходатайство об увольнении в сентябре»³⁸.

Регистрация польских военнопленных проводилась под пристальным вниманием органов ЧК. Осенью 1921 г. в Красноярске, где формировались списки эшелонов для отправки к советско-польской границе, концентрировались многочисленные группы польских военнопленных. Это позволяло выявить лиц, которые, по мнению губчека, являлись врагами советской власти. Военнопленных задерживали и арестовывали по разным поводам. 14 октября в Красноярске

³⁵ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 492, л. 156.

³⁶ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 54.

³⁷ Ibidem, s. 56.

³⁸ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 146, 55, 63.

транспортным отделом ЧК были задержаны для выяснения личности («как проживающие по подложным документам») военнопленные Станислав Жилинский и Зыгмунт Мрайский³⁹.

На момент проведения регистрации в тюрьмах находились многие военнопленные. По условиям Соглашения (ст. XXXIV) сразу после его подписания в отношении польских военнопленных должны были прекратиться судебные, административные, дисциплинарные и иные преследования, а также приостановиться приведение в исполнение наказаний за деяния, совершенные до начала репатриации. В материалах переписки Уполномоченного польской делегации с Российско-Украинской имеются многочисленные свидетельства нарушений этого условия Соглашения. Факт нарушения признавал даже Уполномоченный по делам военнопленных А. Замылко. 14 октября 1921 г. он направил в Красноярскую губчека список из 11 польских военнопленных, находящихся в красноярской тюрьме, и констатировал факт «[...] невыполнения статей мирного договора и соглашения о репатриации». Уполномоченный Замылко просил освободить всех военнопленных, арестованных после подписания Соглашения о репатриации. В частности, в документе упоминался Зыгмунт Мрайский, который был арестован 22 августа по обвинению в службе в составе польской дивизии⁴⁰.

В начале ноября 1921 г. Уполномоченный Польской делегации направил в Российско-Украинскую делегацию список военнопленных (всего 31 человек), которые находились в красноярской тюрьме. Уполномоченный К. Гинтовт настаивал на их освобождении из заключения, размещении вместе с семьями в 6-м эшелоне для отправки к границе и выдачи польским властям вместе с материалами дел.⁴¹ При повторном посещении красноярской тюрьмы 10 ноября члены Польской делегации не обнаружили нескольких военнопленных из упомянутого списка (Франчишека Дрожджака, Шимона Дрона, Яна Карашевского и Александра Штунгура, арестованных 15.05. 1921 г., т.е. после подписания Соглашения), в связи с чем, Уполномоченный делегации просил установить их местонахождение⁴².

Многие военнопленные в период регистрации подвергались вторичному аресту. Так произошло с военнопленным Анатолием

³⁹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 492, л. 152.

⁴⁰ Ibidem, s. 264.

⁴¹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720, л. 1561–57.

⁴² ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 720 а, л. 100.

Прорвичем, который был арестован сотрудниками ЧК в Минусинске в апреле 1921 г. за службу в батальоне штурмовиков 5-й дивизии. После ареста А. Прорвич находился в местной тюрьме, но по причине плохого здоровья был переведен в городскую больницу. Вследствие «[...] отсутствия у него левой руки до плеча, правосторонней грыжи, деформации костей левой стопы и укорочением левой конечности» А. Прорвич был признан инвалидом и освобожден⁴³. В августе 1921 г. А. Прорвич вместе с женой Ираидой выехал из Минусинска в Красноярск, где и был арестован 6 сентября Красноярской ЧК⁴⁴.

Известны случаи с трагическим исходом. 1 августа 1921 г. был арестован и помещен в Красноярскую тюрьму бывший хорунжий дивизии Антоний Павицкий. Во время допроса в ночь с 6 на 7 августа А. Павицкий попытался бежать, был ранен и умер по дороге в госпиталь. В заявлении в адрес Польской делегации мать А. Павицкого Розалия утверждала, что при омовении тела его сестра обнаружила несколько пулевых отверстий в области груди и одно в голову. На этом основании женщина просила выяснить обстоятельства гибели сына, поскольку ранения спереди противоречия официальной версии о побеге сына из тюрьмы⁴⁵.

Совместные усилия делегаций Смешанной комиссии по репатриации в Сибири по освобождению арестованных польских военнопленных, осуществляемых в законном порядке, натыкались на отпор могущественной ВЧК, для которой не существовали нормы международного права. Анализ жизненных ситуаций еще раз подтверждает ту негативную роль, которую играли сибирские отделы ЧК и местные органы советской власти в судьбе польских военнопленных в период репатриации 1921 г. Утаивание информации о реальной численности и местонахождении польских военнопленных от Польской делегации, волокита с предоставлением требуемой документации в сочетании с репрессиями являлись частью реализации общего курса советского правительства, которое не было заинтересовано в массовом отъезде поляков на родину. Решение нескольких тысяч военнопленных остаться в Советской России стало бы свидетельством преимущества нового строя. К тому же срабатывала идеологическая установка не допустить отъезд «классовых врагов» в недружественную для России страну,

⁴³ МКУ «Архив города Минусинска», ф. Р-25, оп. 1, д. 15, л. 11–12; оп. 1, д. 9, л. 55–57.

⁴⁴ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 492, л. 75.

⁴⁵ Ibidem, s. 93, 134.

каковой являлась та тот исторический момент Польша. У советского правительства еще оставалась надежда на продвижение революции в страны Восточной Европы, и нелояльные этой идее лица не должны были навредить этому процессу своим возвращением на родину. Нельзя оставлять без внимания жажду возмездия и за участие 5-й дивизии на стороне «белого движения» в годы гражданской войны, и за имевшие место преступления не только против режима, но и мирного населения Сибири.

Вместе с тем, препятствование к отъезду военнопленных в Польшу со стороны советской власти было продиктовано соображениями не только идеологического характера. Россия понесла значительные людские потери в период первой мировой и гражданской войн, а в ближайшей исторической перспективе предстояло быстрое восстановление разрушенной экономики. Труд военнопленных использовался на предприятиях тяжелой промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте. Лишиться такого ресурса для советских руководителей сибирских губерний и уездов было крайне нежелательно.

Возвращению части польских военнопленных на родину препятствовали причины личного характера. Хотя коммунистическая пропаганда в их среде не имела большого успеха, случаи добровольного отказа выехать на родину все-таки встречались.⁴⁶ Отказ мог быть мотивирован как идейными соображениями (членство в РКПб), так и глубоко личными – устройством личной жизни (создание семьи), надеждами на карьеру для лиц, трудоустроенных в советских учреждениях, и даже идентификацией с Россией для тех, кто здесь родился и вырос.

Streszczenie

Trudna droga do domu. O repatriacji jeńców wojennych z 5 Dywizji Strzelców Polskich w południowej Syberii w 1921 r.

Artykuł jest poświęcony repatriacji jeńców wojennych 5 Dywizji Strzelców Polskich z południowej Syberii w Obwodzie Jenisejskim. Chodzi o ważny etap repatriacji – procedurę rejestracji jeńców wojennych, która odbywała się w terminie od kwietnia do października 1921 r. W celu zorganizowania powrotu Polaków

⁴⁶ Островский Л.К., (2014), Репатриация оптантов, беженцев и военнопленных из Сибири в Польшу (1921–1924 гг.), *op. cit.*, с. 70–74.

do ojczyzny na Syberię przybyła Komisja Mieszana do spraw repatriacji, w której skład wchodziły Delegacja Rzeczypospolitej Polskiej i Delegacja Rosyjsko-Ukraińska. Repatriacja odbywała się z trudnościami. Postanowienia Umowy o Repatriacji były bowiem naruszane przez poszczególne wydziały Komitetu Centralnego partii i lokalne władze radzieckie. Materiały korespondencji obu delegacji Komisji Mieszanej umożliwiają prześledzenie tych naruszeń. W czasie rejestracji wielu polskich jeńców wojennych, uznanych przez władze radzieckie za „wrogów klasowych”, zostało aresztowanych. Jeńców wojennych wciąż angażowano do przymusowych prac, przeszkadzano im w uzyskaniu zwolnienia ze służby, stwarzano przeszkody w uzyskaniu obywatelstwa polskiego i rejestracji w celu wyjazdu do Polski. Naruszenia Umowy o Repatriacji usprawiedliwiano powodami o charakterze ideologicznym i gospodarczym. W tym czasie władze radzieckie nie straciły jeszcze nadziei na kontynuowanie rewolucji socjalistycznej w Europie i nie chciały powrotu „wrogów klasowych” do Polski. Decyzja kilku tysięcy Polaków o pozostaniu w Rosji byłaby przekonującym dowodem atrakcyjności nowego systemu radzieckiego. Wreszcie, rząd radziecki uważał jeńców wojennych za tanią siłę roboczą potrzebną do odbudowy zniszczonej gospodarki.

Summary

Difficult way home. About repatriation of prisoners of war of the 5th Polish Shooting Division in the south of Siberia in 1921

The article is devoted to repatriation of prisoners of the 5-th Polish rifle Division in the Yenisei province. It deals with the important stage of repatriation – procedure of registration of prisoners of war which took place from April to October, 1921. To carry out the procedure of Poles repatriation Representation of the Mixed Commission including the Russian-Ukrainian and Polish delegations arrived in Siberia. Repatriation went hard. Provisions of the Agreement were violated by departments of ChK and local bodies of the Soviet power. Materials of correspondence of the two delegations of the Mixed Commission allow to point out these violations. During the registration many Polish prisoners of war were arrested as enemies of the Soviet power. Prisoners of war were used of forced labor. They were not free resign from their forced position. Obstacles were created to obtain Polish citizenship. Agreement violations were explained by the reasons of ideological and economic character. The Soviet power didn't give up hopes for a socialist revolution in Europe and didn't wish return the “class enemies” to Poland. The decision of several thousand prisoners of war to stay in Soviet Russia would become the testimony of the advantage of the new system. At last, the Soviet power considered prisoners of war as the labor resource necessary for restoration of the destroyed economy.

Bibliografia

- Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. Р-1 «Сибирский революционный комитет (1919–1921 гг.)», оп. 1, дд. 492, 720, 720а.
- Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»), ф. 14 «Отдел новейшей истории», оп. 1, д. 40; ф. 505 «Управление Минусинского каменноугольного района», оп. д. 14.
- Муниципальное казенное учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска» (МКУ «Архив города Минусинска»), ф. Р-25 «Исполком Минусинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», оп.1. дд. 9, 15, 345.
- Костюшко И.И., *К вопросу о польских пленных 1920 г.*, «Славяноведение» 2000, № 3.
- Масяж В., *Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.)*, Иркутск 1995.
- Нам И.В., *Польские войска в Сибири*, w: , «Поляки в Сибири Поляки о Сибири. Материалы I Международной научной конференции (г. Томск, 3–5- июня 2012 г.)», Томск 2012.
- Оплаканская Р.В., *Положение польских военнопленных в Сибири в начале в 1920–х гг.*, «Вестник Томского государственного университета», 2014, № 384.
- Островский Л.К., *Репатриация оптантов, беженцев и военнопленных из Сибири в Польшу (1921–1924 гг.)*, «Гуманитарные науки в Сибири», 2014, № 3.
- Резмер В., *Польские военнопленные в большевистском плену в Сибири в 1920–1922*, w: «Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы», Иркутск 2001.